

Глава 2. Начинаящая

Через две недели я уже свободно говорил и читал на 7 живых языках, 4 мёртвых, эльфийском, клингонском и на казахском. Последний выбрал чисто, чтобы понтоваться.

Конечно же это не так! Моя эпопея с освоением огромного количества языков началась с простого английского. Почему, спросите вы? Это же твой родной язык? А всё дело в том, что мне всего 7 лет. И в это возрасте не все дети в Англии ещё научились держать ручку в руках, не то что писать. Да, мне доступен разговорный язык, но в обычном разговорном языке крайне мало слов. И к тому же, если ты умеешь что-то говорить, это ещё не значит что ты умеешь это писать и особенно важно — быстро читать. Почему-то все забывают, что в школах, в начальных классах, дети только начинают учиться читать и писать. И уровень рассказов для этих лет — простейшие детские сказки. Помимо того, что детская скорость чтения намного медленнее нормальной взрослой, так ещё и используемые слова максимально простые. Никто не будет в детских книжках использовать что-то очень мудрёное. Иначе дети просто не поймут половину слов из книги и это отобьёт у них желание читать вообще.

Поэтому за это время я лишь перечитывал раз за разом свои школьные книжки, подмечал используемые словесные обороты и конструкции. Чтобы повысить свой уровень знания языка в целом — взял в библиотеке книжки про Шерлока Холмса. Ну взял — это громко сказано. Если взять книжку домой и не успеть спрятать, или испортить книжку, попавшись компании Дадли на пути домой, то никаких новых книжек строгая мадам библиотекарь тебе больше и не даст. А школьная библиотека — это единственная доступная мне библиотека. Кто-то предположит — а сходи в городскую библиотеку, возьми читательский билет, если доступ в школьную будет закрыт. И снова — мне всего 7 лет, когда я выгляжу не больше, чем на 5. Для оформления читательского билета тебе необходим взрослый сопровождающий. Стоит ли говорить, что ни Петунья, ни Вернон этим заниматься не будут? И к тому же, даже если каким-то чудом получится доехать самостоятельно до библиотеки через весь город, при отсутствии денег на автобусный билет, разжалобить местных библиотекарей и взять книгу, кто даст гарантий, что эту книгу не испортит Дадли? Или не обнаружит тётя? А если книга испортится, библиотекари будут искать маленького книжного вандала, будут звонить родственникам, что выльется в очередные неприятности и наказания. Так что путь в остальные библиотеки мне был закрыт. Поэтому я и не мог выносить книги из библиотеки. Так что мне оставалось лишь писать в тетрадках свои заметки и разрабатывать навык запоминания.

Обложившись толковыми словарями я читал и читал эту несчастную книжку, повышая свой словарный запас, адаптирую знания большого количества известных мне русских слов их значений, открывая для себя их аналоги на английском языке.

Но для того, чтобы читать и понимать более старые книги этого всё равно оказалось ужасно мало. Потому что язык, особенно письменный, это не какой-то набор текста и его значения, это ещё и отражение культуры людей, что говорили на этом языке. Некоторые выражения, даже если они состоят из знакомых слов, вместе могут дать совершенно новое значение, потому что

в каком-то бородатом году это словосочетание использовалось в каком-то историческом контексте. Да даже в русском, есть слово день, а есть имя Юрий. А словосочетание Юрьев день отсылает нас к историческому событию, происходящего в 11-16 веках. Поэтому, помимо толковых словарей, вокруг меня лежали книги по истории и биографии авторов, живших в то время. И это непонимание контекста, состоящего из знакомых по отдельности слов, будет только усугубляться в даль веков. И то, что автор 19 века имел в виду под одним выражением, будет значить иное, чем имел в виду автор века так 15-16. Поэтому мало выучить слова языка, мало понимать их конкретное значение, необходимо полностью погрузиться в среду, где этот язык существует, а в случае с древними наречиями языка необходимо ещё и прочесть большое количество исторических книг и биографий.

Благо начал я совсем не с этого. Прежде чем начинать читать, и делать это умело, продуктивно и быстро, нужно научиться правильно читать. В библиотеке всё же завалились пособия для обучения чтению и развитию этого навыка во что-то большее. В том же отделе отыскалась книжка по развитию скорочтения и текстовой памяти. Последнее помогает визуализировать текст в форме книжной страницы, где отдельные фразы находятся на разных частях страницы. Это безусловно помогает мне долгими ночами в запертом тёмном чулане вспоминать красивейшие стихи английских писателей и отправляться в мысленные путешествия по фантастическим книжным тропам.

Жизнь у тётки совсем не сахар. Стоит начать с того, что тётя безусловно больна. Её страшное заболевание можно назвать синдромом гиперчистоты. Когда недостаточно прибраться в доме, и навести хороший внешний вид. У тётки дома все должно быть ИДЕАЛЬНО. Если пыль, то её не должно существовать ни в каком виде, нигде. Ни на плинтусах, ни на люстре, ни за холодильником. Если постричь газон — каждая травинка должна быть одинакового роста. Если помыть посуду — каждая должна быть помимо того, что помыта с определённым моющим средством, от которого руки болят каждый день, ибо мелкому мне никаких перчаток не положено, так ещё и выставленная на своё определённое место. КАЖДАЯ посуда имеет своё место, и не дай Мерлин ты поставишь кружку не под таким углом и не на ту тарелочку. Если воздух в доме, он обязан быть проветрен с определённой частотой, стоять должна строго определённая температура, за которой тётя тщательно следит. Клумбы должны быть строго определённой формы, на определённом положении на заднем дворе. И цветы, тоже должны цвести строго в определённое время, быть определённого цвета и определённой высоты. Конечно, в отличии от маленького Гарри, цветам нельзя приказывать цвести и расти, как нужно тётке. Но зато можно приказывать Гарри, чтобы он работал в саду и растил цветы так, как нужно тётке. А когда цветы растут не так, как надо, то это виноват Гарри. За этим следует наказание. Логика очень простая.

Её стиль жизни можно описать словом Гипер. Если забота о ребёнке, то гипер забота. Все хотелки, все капризы, все запросы и желания — для Дадли абсолютно всё. Так же Дадли обладает нерушимой презумпция невиновности. Если что-то упала — это уронил точно не Дадли, если кто-то съел торт для гостей — это был точно не Дадли, если родители жертв агрессии банды Дадли пришли разбираться к Петунье — это были все, но кроме Дадли. Иногда казалось, что если Дадли придёт домой в одной руке с куском ноги и окровавленной пилой в другой, когда за дверью лежит одноногий труп, то это тоже был не Дадли, а его злой двойник, и вообще это Гарри виноват.

Гарри виноват. Если Дадли обладал презумпцией невиновности, то Гарри был виноват по определению. Пробки выбило в доме — Гарри виноват. И ничего, что без света вся улица. Выпал дождь в погожий летний денёк, когда семейство собралось на пикник — Гарри виноват, наверняка наколдовал непогоду. Женщина из церковного хора упала и подвернула ногу — тоже Гарри виноват. И за каждым проступком, реальным или мнимым, следовали наказания.

Наказания к рукоприкладству в тяжёлой форме не приходили никогда. Затрещины, подзатыльники за наказания я и не считаю. Хуже было, когда за что-то тебя запирали в чулане. Места нет, лампочка доживает свои последние дни, читать даже в очках очень трудно, а еда заключённым не положена. Лишь мой друг Анатолий, местный завхоз склада мёртвых мух, неторопливо потирает лапки в ожидании поступления нового товара на хранение.

Как мой книжный аналог не слетел с нарезки в таком темпе жизни — ума не приложу. А хотя его действия, описываемые в книгах и нельзя назвать адекватными.

Лишь книги, мои незримые порталы в бесконечные миры, не давали мне захандрить окончательно. Руками я полол грядки, а разумом я маленький принц, что в мире Экзюпери растит свой сад. очередной раз я мою полы, а сам я в это время расследую очередной запутанный случай вместе с моим верным помощником — доктором Ватсоном, оттирая кровь с пола, в поисках зацепок. Я опять готовлю еду на всю необъятную семью, держа в руках ножи и в это же время я с мечом наголо борюсь со своим злейшим врагом — ветряными мельницами. Я бегу от компании хулиганов и в то же время я во главе армии людей и эльфов бегу навстречу злым оркам. Ну или убегаю, как в моём случае.

Никогда в жизни, ни в этой, ни в памяти прошлой, я не читал так много, так часто, красочно представляя себе книжные миры во всех подробностях — что не сделаешь, когда тебя прижмёт. И это дало свои результаты. Хотя я и подозреваю, что без магии тут не обошлось. Через 9 месяцев, к концу учебного года, я уже свободно читал все относительно современные произведения из школьной библиотеки, до которых у меня дотянулись руки, не путался в выражениях, понимая контекст фразы. Мог по памяти рассказать стих на пару страниц, а мои фантазии обретали всё большее количество деталей. Самое интересное, что я похоже развил интересное состояние разума, когда я могу делать на автомате какое-то не очень сложное действие, разумом в это время думая совсем о другом. Может показаться, что за учебный год это слишком быстро, даже для маленького не в меру мозговитого зародыша мага. Но тут стоит учитывать то, что школьная программа начальных классов для того, кто много лет назад окончил университет никак не может предстать проблемой. Даже если она из другой страны. Даже если на другом языке. Поэтому, пока другие дети учились считать, я мысленно вспоминал книги, анализировал слова, пытался найти закономерности. Соответственно на самих уроках я не отвечал на вопросы к классу, не вызывался выйти к доске, и по своей стратегии неуловимого Джо, проверочные и контрольные работы писал на тройки, в редких случаях на четвёрки. Всё это ещё больше углубило учителей в мысли о том, что я не слишком умный. Да даже Дадли, списывая у отличника, очередной жертвы гоп-стоп компании, что давал списывать за свою неприкосновенность, получал оценки выше меня, чему приёмные родители были безмерно рады.

Со всей школы у меня нормальные отношения были выстроены разве что с поваром школьной столовой да физруком. С первой сойтись было не очень сложно, особенно для прожившего года человека. Хотя я и поступил не очень красиво, по моему мнению. Но на что не толкнёт голод. У бедной женщины в автомобильной аварии разбилась замужняя дочь с внуком, что был на пару лет младше меня. Для любящей бабушки это было очень сложно. На основе этой информации, фотографии внука из некролога в газете, подслушанных украдкой рассказов ребят, знакомых с ним у меня получилось сложить грубый психологический портрет бедного мальчика. И каждый раз, проходя мимо повара в столовой, на переменах, встречая её в коридорах, на подходе к школе я старался ненавязчиво демонстрировать качества, что были присущи её внуку. Потихоньку она начинала замечать наше сходство, так тщательно копируемое мной. И с течением времени, бессознательно, она начала проецировать свою заботу о внуке на меня, подкладывая порции побольше, тут лишняя котлетка, там лишний пирожок, тут мяско осталось в конце дня, там салатик не достался ребёнку, что не пришёл в этот день в школу. Иногда звала попить чаю после уроков, позволяя читать и кушать коржики в своей маленькой комнатке, где она отдыхала после готовки. Да, я поступил плохо, играя на чувствах скорбящей женщины, однако я постарался максимально это отработать. Порою для облегчения душевных терзаний человеку необходимо выговориться, даже если собеседник простой ребёнок. Слово за слово, день за днём и повар изливает мне душу. А я в ответ, со всей своей детской непосредственностью, говорю ей именно те слова, что ей необходимы услышать, чтобы отпустить сложную ситуацию, перестать себя корить и жить дальше. Чем больше было таких разговоров, тем лучше становилось её состояние, на лице начала мелькать улыбка, в глазах появлялось всё больше и больше жизни, а её демоны потихоньку отпускали свою хватку с сердца.

В итоге наши отношения стали по настоящему хорошими, я получил источник нормальной еды, а повар вышла из своей самоуничижительной депрессии.

Поступил ли я плохо, играя на душевных струнах сломленной женщины? Безусловно да. Однако я считаю, что я вернул ей дол сторицей, ибо никакая котлетка не сравнится с душевным упадком. Значит ли это, что я теперь буду работать бесплатным ребёнком-психологом, помогая всем взрослым вокруг меня? Может хорошая подруга Петунии, учительница чей парик цвета неба, не такая мразь, а у неё просто кошка умерла, и её нужно выслушать, ей нужна помощь? Пожалуй нет. Всё же я в большей степени эгоист, думающий о том как выжить, чем радетель за благо всех и каждого. Честно говоря, я бы и не подошёл к повару, не узнал бы её тяжёлую историю и не помог бы ей, если бы не необходимость в питании. На самом деле вокруг нас случается огромное количество трагедий, но все эти трагедии личные для каждого человека. Ты их ощущаешь лишь в те моменты, когда эта трагедия затрагивает или тебя, или твоих близких. Информация о том, что произошла авария и водитель погиб тебя не затронет, если этот водитель не твой сын, брат, лучший друг. Информация о голодающих детях Африки не заставит всех и каждого продать квартиру и улететь в Африку их кормить. Однако если ты узнаешь, что твой любимый племянник голодает, из-за того что отец алкаш опять пропил все деньги, это может заставить тебя купить еды и помочь.

Хорошее питание в течении большей части учебного года и какие-никакие физические нагрузки вкупе с магией позволили мне наконец начать расти. Нет, никаких рельефным

мускулов и кубиков пресса, я всё ещё остался таким же доходягой, но теперь доходягой на десяток сантиметров выше. И я считаю это моей маленькой победой.

<http://tl.rulate.ru/book/96435/3298582>